

Камышников Л. Вишневый Сад. К спектаклям в
Театре Русской Драммы // Новое русское слово.
Нью-Йорк, 1946. 22 февраля. № 12352. С. 3.

Вишневый Сад

К спектаклям в Театре Русской Драмы

Чехов не оказался в числе пророков русской революции. «Вишневый Сад», его самая замечательная пьеса, написана в 1903 году (за год до смерти). В ней Лопухин предсказывает: «Все города окружены теперь дачами и можно сказать, дачник лет через двадцать размножится до необычайности».

На одной своей десятине он займется хозяйством и тогда ваш вишневый сад станет счастливым, богатым, роскошным».

Через двадцать лет после этого пророчества в России бушевала революция. Потом пришла коллективизация. Потом вишневый сад не стал достоянием мелкого собственника. Лопухин родился в неурочное время.

Казалось бы, пьеса проникнутая верой в творческий индивидуализм, в торжество нового человека, в «дачника» — хозяйственника, могущего обогатиться собственным трудом и инициативой, такая пьеса должна была умереть вместе с тем классом, который революция вымела в России. Лопухин немислим в настоящих условиях, ему нет места в СССР. Еще менее мыслимы все остальные персонажи прошлого. Тем не менее пьеса существует, она не сходит с репертуара российских театров, и по интересу и популярности во многом превосходит самый современный и самый злободневный советский репертуар.

В чем секрет этого успеха. Где разгадка этой тайны?

Успех Вишневого Сада не в его социальной тенденции. И даже не в характеристике быта начала нынешнего столетия или в верном отражении настроений русской интеллигенции того времени. В свое время эта картина русских настроений произвела сенсацию. Она с точностью отразила русский быт и умиляла зрителя художественным изображением действительности. Но как и первое качество пьесы, так и второе, утратили теперь для зрителя свое значение. В России, говорит Трофимов «работают пока очень немногие». Сейчас это неверно. Неверно и все остальное, поскольку старая интеллигенция умерла, а новая на нее совсем не похожа.

И все же пьеса живет, и на сцене ходят не тени прошлого, а живые люди, из плоти и крови, волнующие нас и своей печалью и своими радостями.

Сила Чеховского творчества сказалась в другом, в прозрении души человека, вне зависимости от быта и социальных условий.

Коренное отличие Чехова от драматургии прошлого в том, что в его пьесах нет «ролей». Роль это прежде всего театральная схема. Она многообразна эта схема, но ограничена до известного предела. Есть роли веселые и грустные. Есть трагические и смешные. Есть резонерствующие и проникнутые чувствами и страстями. Ничего этого у Чехова нет. Главное и основное новаторство, которое Чехов внес в театр, это то, что он заменил схему жизнью, роли — образами. Каждый участник его пьесы живет сам по себе. Его связь с пьесой хотя и органическая, но сам он несколько не страдает от этой связи, не ограничен в вымысле своей художественной яркости. Нельзя себе представить чтение одной роли из любой пьесы любого автора без реплик остальных «героев» пьесы. А у Чехова можно. Фирса можно читать и слушать вне связи с действием и содержанием пьесы, и образ не теряет в своей убедительности. То же можно сказать и о Епиходове, и о студенте Трофимове, и о Гаеве, и о Лопухине, и о Раневской, и обо всех остальных действующих лицах. Они живут своей органической жизнью. Чехов гениально связал их общим содержанием и действием, но и без этой связи, они остаются гениальными образами великого мастера.

Такие образы не подвергаются тленению, не стираются и не изнашиваются. Студент Трофимов верит, что человечество идет вперед. «Все, что недосытаемо для него теперь, когда

данибудь станет близким, понятным, только вот надо работать, помогать всеми силами тем, кто ищет истину». Эти слова были понятны облезлому барину Трофимову точно также, как они понятны любому советскому «вузовцу».

С Трофимовым вера в труд родинит и Лопухина. Сейчас Лопухин не обогащается но ему и теперь, как и в чеховские времена, думается тоже самое: «Господи. Ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты и живя тут, мы сами должны были по настоящему быть великими».

Должны, но не обязаны. Люди сидящие в театре, здесь ли, в Москве ли, это не герои, а люди вообще. Среди них есть неудачники — Епиходовы, есть романтики Дуняши, есть люди земных слабостей — Раневские, люди атрофированной воли — Гаевы, выбитые из колеи жизни — Варя, энергии и силы — Лопухины, разные люди, которые жили в старое время, живут и сейчас, и будут жить долго после нас. О них не пишут, их не славят, им не посвящают пьес, их не награждают. Это не герои, не орденосносцы, это широкая масса людей живущих на необъятных просторах России, всякой России. И единственное право, которым они пользуются, это видеть себя в художественном отражении в чистой светлой правде раскрывающей глубоким знатоком русской души Чеховым.

Вот почему нарубленный Вишневый Сад, хотя и не населенный дачниками, как об этом мечтал Чехов, все же живет жизнью обыкновенных людей, не проповедью лучшей жизни и вообще не проповедью, а отражением чувств великих и прекрасных, смешных и жалких, правдивых, как правдива сама жизнь, сама непосредственная, неприкрашенная и ни в какие героические латы не наряженная, Россия.

Л. Камышников.